

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 3 (39)

Династия Занов, князей и политических лидеров черкесов

его собственных владениях.

В апреле 1782 г. марионеточный хан Шагин-Гирей жаловался российскому представителю в Крыму П. Веселицкому на деятельность Зана: «Порта прислала Заноглу Мегмет-Гирей-бея с ябедами, который недоволен (в смысле: не только. — Прим. С. Х.) абазинцев (натухайцев и шапсугов. — Прим. С. Х.) и черкес, но и наших поданных всего острова Тамана жителей приводит в смутнение и бунт». (Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Т. III: 1781-1786 гг. Нальчик: «Эль-Фа», 2000. С. 160).

В августе 1782 г. Я. Булгаков, российский посланник в Стамбуле, сообщал в Санкт-Петербург: «Из Анапы прибыло в 14 дней одно купеческое судно. Приехавшие рассказывают, что известный Мегмед-Гирей (посланник от Порты) находится в Анапе, жителей тамошних утешает, полагая надежду свою на Порту и предьявляет себя тамошним главным начальником. В оном местечке никакого еще крепостного строения не начато, но построен хан (рынок. — Прим. С. Х.) и таможня». (Там же. С. 175).

К декабрю 1782 г. Мамат-Гирей сумел убедить ханских подданных на Тамани начать переселение в Черкесию. (Там же. С. 206). Султанский фирман Зан зачитал в таманской деревне Шанк, которая может быть сопоставлена с черкесской деревней Шан-Мерд, упоминающейся в XVII в. в книге Эвлии Челеби. (Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. С. 46). Зан сумел обеспечить значительные людские ресурсы для строительства и заселения Анапы: он переселил не менее 500 ногайских и черкесских семейств из Тамани.

Возведение крепости не ослабило, но, напротив, усилило позиции Мамат-Гирея Зана. Он оставался полноправным хозяином всех своих прежних владений, а османские паши Анапы были вынуждены считаться с его особым статусом друга Порты. Таким образом, Мамат-Гирей Зан являлся настоящим основателем современной Анапы и явно заслуживает того, чтобы объективная информация о нем была представлена в городском музее Анапы, а одна из центральных улиц Анапы могла бы получить его имя.

В османских источниках этого периода содержится сообщение о том, что черкесский эмир Заноглу Мухаммед Гирей-бек велел выстроить корабль с тремя 29 аршинными мачтами. (Ве-

селовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества. Т. III. Петроград, 1914. С. 37). Строительство такого корабля символизировало как статус самого Зана, так и успех его проекта — основания крепости и города Анапа.

22 июня 1791 г., когда войска ген-адъют. И. В. Гудовича взяли штурмом Анапу, Мамат-Гирей Зан попал в плен. (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. С. 243). Его официальный османский статус и нахождение в числе почетных пленников наряду с трехбунчужным пашой Мустафой и Таяр-пашой, сыном знаменитого Батал-паши, обеспечило ему как вполне комфортное пребывание в плену, так и скорое — после заключения в декабре 1791 г. Ясского мира — возвращение домой в Анапу, которая была признана османской территорией.

В 1793 г. Зан приводит к присяге на верность султану черкесов-абазехов, под которыми, скорее всего, следует понимать натухайцев: 1) абадзехи были достаточно дистанцированы и фактически, и политически от Анапы; 2) русские источники в этот период еще были далеки от понимания этнического состава Черкесии и произвольно пользовались терминами абазинцев и абазех. Действительно, если вы считаете натухайцев абазинцами, как и абазехов-абадзехов, то почему не называть абазехами натухайцев?

В 1793 г. натухайцы убили в окрестностях Анапы одного из турецких офицеров. В ответ турецкий гарнизон в Анапе поднял беспорядки: начались столкновения с натухайцами, жителями города, число которых достигало 400 человек, продолжавшиеся 9 дней. Конфликт был урегулирован Заном.

Подобные инциденты имели место и далее, и в 1798 г. Осман-паша, наместник Анапы, во главе отряда из 1.500 солдат, решил образцово наказать шапсугов, но был вынужден ретироваться, увидев перед собой в десятки раз превосходящие силы. В том же году, посланный им офицер с 20 всадниками для взыскания возмещения с каких-то черкесов, ограбивших черноморских казаков, был вынужден бежать и спасаться на русскую сторону Кубани. (Там же. С. 273).

Дела самого Зана при этом, по всей видимости, шли хорошо. В 1794 г. Мамат-Гирей Зан упоминается как «владелец земли анапской и шагакийских черкесов». (Там же. С. 243).

Впечатления о богатстве Мамат-Гирея Зана достигали русских путешественников в Кабарде. «Маленькое черкесское

племя Шагахи, — сообщает академик П.-С. Паллас, — живет еще до сих пор у Анапы на Багуре (р. Бугур. — Прим. С. Х.) и его меньших притоках. Их князь Sane был богат, производил торговлю и имел несколько судов на Черном море». (Паллас П.-С. Заметки о путешествиях в южные наместничества российского государства в 1793 и 1794 гг. // АБКИЕА. С. 224).

Мамат-Гирей Зан являлся родным дядей Атажуки Хамурзина, валия Большой Кабарды. (Кабардино-русские отношения. Т. II. М., 1957. С. 370). Иналовичи Кабарды, весьма щепетильные в вопросах чистоты и равносильности брачных союзов, воспринимали малочисленный род шагакийских князей, как равный себе. Потто считает, что Заны были родственной ветвью темиргоевских князей Болотоковых. Такого же мнения и Дж. Белл. Хан-Гирей подразделяет шагакийских князей на три ветви: Бхгезенекко-р, Занекко-р и Шамекк-р. Причем относил Сефербея Зана к первой ветви — Бхгезенекко-р. (Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 196). Этот род он считает родственником хатукаевским князьям, а род Занекко-р, согласно Хан-Гирею, ранее правил жанеевцами и уже не существовал. Возразить такому знатоку аристократии Черкесии, как Хан-Гирей, весьма затруднительно. Но такая цель и не стоит перед нами. Важно отметить существование сразу 3-х ветвей шагакийских князей, что свидетельствует о былой мощи этой адыгской субэтнической группы.

Сохранился эпиграфический материал о семье Занов конца XVIII века. В исследовании Л. И. Лаврова приводится текст с мраморного надгробного памятника, датированного 15 раджаба 1193 г. х., т. е. 30 июля 1779 г., сообщающего о смерти сыновей Зана Заур-бека и Усман-бека. В начале XX в. эту надпись перевел Султан Довлет-Гирей и в его интерпретации речь идет об одном человеке — Заурбеке, сыне Османа Заноко. Таким образом, речь идет либо о сыновьях Зана, либо о его племяннике. (Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. М., 1968. С. 69).

После почти полного разрушения крепостных сооружений Анапы войсками Гудовича в 1791 г., османы сумели полностью восстановить крепость к 1798 г. Сохранилась каменная плита с турецкой надписью — восхвалением султана Селима III (1789-1807): «...положил основу Анапской крепости султан Селим. 1212. Крепость воздвиг хан Селим, стала Анапа бесподобной. 1212». Эта последняя строчка пространной надписи указывает на 1798 г. (Там же. С. 78-79).

В 1807 г. начинается очередная русско-турецкая война

и Анапа, практически, без боя достается эскадре контр-адмирала Пустошкина. Через два года Анапа еще раз была взята русскими войсками с моря — эскадрой капитан-лейтенанта Перхунова. На сей раз здесь был размещен гарнизон, комендантом крепости был назначен ген.-м. Бухгольц. (Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. СПб., 1885. С. 640). При описании этих двух захватов Анапы — в 1807 и 1809 гг. — Мамат-Гирей Зан не упоминается.

Из более поздних источников мы узнаем, что в этот период в плен попадает юный Сефербей, сын Мамат-Гирея. Скорее всего, это произошло в 1809 г. Россия владела Анапой до 1812 г., когда по условиям Бухарестского мира, царское правительство вновь уступило ее Турции. Вероятно, что в этот же период, между 1809 и 1812 гг., Мамат-Гирей получил звание полковника русской службы. (Отношение гр. Нессельроде к барону Розену, от 24 января 1836 г., N 213 // АКАК. Т. VIII. С. 892). С другой стороны, данный источник почему-то категорически утверждает, что Сефербей Зан не жил никогда в России и совершенно не знал русского бей поступил юнкером в 22-й Егерский полк, но не сумел найти понимания у начальства и уехал в Османскую Турцию». (Адыгская (черкесская) энциклопедия. Главный редактор Н. А. Кумахов. М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. С. 948). Факт обучения Сефербея Зана в Ришельевском лицее подтверждается тем, что адмирал Л. М. Серебряков (К. М. Арцатагорцян) учился с ним на одном курсе. (Там же. С. 1037). Годы жизни обоих почти совпадают: Зан (1789-1859), Серебряков (1792-1862).

О службе Зана у русских сообщает и Т. Лапинский: «Взятый в плен русскими, он был определен в мусульманский добровольческий полк, участвовал в авангарде Платова в походах 1813-1815 годов и при этом увидел Париж». (Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В. К. Гарданова. Нальчик: «Эль-Фа», 1995. С. 224). Лапинский лично знал Сефербея и не испытывал к нему ни малейшей симпатии. Он даже хотел арестовать его и выслать в Турцию, так как считал старого князя главной помехой в объединении адыгов вокруг фигуры Мухаммед-Амина. (Там же. С. 392).

Тем не менее, такая деталь, как служба в молодости адыгского политического лидера в русской армии, вряд ли могла дискредитировать его в глазах, как соотечественников, так и европейских партнеров. Это был давно и всем известный факт, который вряд ли скрывался самим князем. Его переход на турецкую службу был закономерен: 1) он происходил из семьи, имевшей давние и прочные связи с Турцией; 2) его отец продемонстрировал пример весьма успешной политической деятельности, лидерства, направленного на отстаивание поли-

ДИНАСТИЯ ЗАНОВ, КНЯЗЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ЧЕРКЕСОВ

тической независимости Черкесии; 3) им двигал еще и психологический комплекс княжеского отпрыска, рожденного в неравном браке – его мать была дворянкой; 4) Россия признала его фамильное владение – Анапу – османской территорией. Таким образом, после 1812 г. или после 1814 г., если верна информация Лапинского, Сефербей возвратился в родной город, который был его ровесником и занял условное место главы адыгско-ногайской общины. Он находился в Анапе и во время штурма ее войсками 7 мая – 12 июня 1828 г. В. А. Потто называет Сефербея «душой обороны», а Дж. Белл отмечает, что «если бы турки последовали его храброму примеру и если бы паша не сдался русским, по всей вероятности, штурм крепости провалился бы». (Потто В. А. Указ. соч. Т. 4. С. 90; Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии. Т. 2. Нальчик, 2007. С. 173).

Молодые годы Сефербея представлены у Белла в романтически-приключенческих тонах: «Я могу сообщить здесь некоторые особые обстоятельства, касающиеся Сефир-Бея и многочисленных эпизодов его жизни. Он принадлежит роду Захн-Оку. Семья Айтек-Оку из Тенигуя (чей вождь Джамболет был недавно убит русскими) и Хахаш-Оку (живущая близ Сухум-Кале) относятся к тому же княжескому роду, образуя братство Булатук, считающееся одним из самых древних и самых благородных во всей Черкесии. Но мать Сефир-Бея была лишь дворянкой, и поэтому брат его (не дядя, как я о том прежде говорил), будучи сыном другой женщины, княгини, решил, как предполагают, смуть это пятно с безупречного их рода, продав Сефира, как раба. Последний, будучи еще ребенком, предпринятый, пока его брат совещался с тем, кому намеревался его продать, завладел лошастью этого человека и бежал к дворянину, жившему по соседству, у которого и попросил защиты. Этот дворянин поместил его у русского коменданта Анапы, то ли ради безопасности, то ли находя там более широкие возможности его обучения. Но молодой князь вскоре утомился узкими рамками, коими была ограничена его свобода; и с помощью веревки, что прикрепит к бойнице, спустился ночью по крепостной стене и вновь возвратился под защиту своего благородного друга. Позже он сел на корабль, чтобы отплыть в Египет, где хотел примкнуть к мамлюкам, с которыми и оставался до того момента, когда их власть была уничтожена. После того он возвратился в родные края, где женился на ногайской княгине; а турки, тогда овладевшие Анапой, взяли его на службу к паше, там командовавшему, в качестве его помощника. Он служил в этой роли до последней осады этой крепости. Если бы турки последовали его храброму примеру и если бы паша не сдался русским, по всей вероятности, штурм крепости провалился бы. (Белл Дж. Указ. соч. Т. 2. С. 173).

Можно ли совместить рассказ Белла, представляющий нам молодого Сефербея Зана как настоящего солдата удачи, с той версией начала его биографии, которую излагает Лапинский? Белл дает нам следующие временные ориентиры: 1) нахождение его при русском коменданте Анапы, а это явно Бухгольц и период, начиная с весны лета 1809 г.; 2) нахождение в Египте до уничтожения власти мамлюков, а это 1 марта 1811 г. Сефербей вполне мог находиться у черкесских эмиров Египта от года до полутора лет.

У Потто также есть отголоски египетского путешествия Зана, но уже после обучения в Одессе и перехода на турецкую службу: «Случай привел его в Царьград и там его приняли в службу султана. Природные дарования его были замечены, а некоторое образование, полученное им в России, дало турецкому правительству мысль употребить его как агента, не только для сношений с кавказскими горцами, но даже с арабами в Египте и Алжире». (Потто В. А. Т. 4. С. 90). Вполне вероятно, что первый раз Зан побывал в Египте по своей воле, а в период после 1812-1814 гг. и перед 1828 г. его посылало туда турецкое правительство, обеспечивая резким усилением

Темиргоем во главе с Болотоковыми, а также абазинскими князьями Лоовыми, Бибердовыми и другими. В рапорте ген.-м. Ралля от 6 июня 1831 г. сообщалось, что «кабардинский князь Асламбек Бесланов дал собранию присягу как равно и оное ему в соучастии, почему и избран он Асламбек предводителем собрания; сверх того, стараются привести под покорность и послушание его во всех предприятиях мирных абазинских [князей] Лоова и Бибердова и прочих закубанских владельцев, на каковой конец последние по требованию их 6-го же числа должны отправиться к собранию, по прибытию коих будет сделан общий совет относительно окончания

фербея Зана свидетельствует о таком общеадыгском характере движения. Шегакийский (хегакийский) князь Анапы, лишившийся своей родовой вотчины в 1829 г., делал в это время свои первые шаги на долгом пути организации черкесского сопротивления. В рядах собрания упоминается и знаменитый уже к этому времени своими рейдами по тылам царской армии темиргоевский князь Джембулат Болотоков.

Собрание, расположившись на Большом Зеленчуке, направило в Карачай своих представителей и ожидало прибытия карачаевских депутатов. (Там же. С. 80 об.). Такая линия выступления общегорского союза характеризует определенный

иностранным, отправляющимся в Черкесию».

Те прогнозы, которые делал Сефербей в своих письмах к соотечественникам, на протяжении 30-40-х гг. XIX в., согласно которым правительства Англии и Франции выступят на стороне кавказских горцев, полностью оправдались в период Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. Война, подобная Восточной, могла произойти много раньше – еще в 30-е годы, когда англо-русские отношения накалялись не раз до града военной тревоги, и, более того, такая война могла повториться еще раз – в начале 60-х гг. XIX в.

Данный международный фон необходимо иметь в виду при анализе исторической роли и значения личности Сефербея Заноко в истории черкесского сопротивления. Ожидания Сефербея Зана, которыми он делился с лидерами сопротивления, мало чем отличались от ожиданий самого русского высшего военного командования в регионе Кавказа и Черного моря. Из письма наместника кавказского кн. М. С. Воронцова к Николаю I от 18-30 января 1854 г.: «Я все-таки остаюсь в надежде и молю бога, чтобы этого последнего случая не было (вступления на стороне Турции Англии и Франции. – Прим. С. Х.), но по входу их эскадр в Черное море и по тому, что В. И. В. изволите мне писать, можно ожидать худшее. Первое действие таковой войны будет немедленная потеря почти всех наших укреплений на восточном берегу, и я уже не вижу возможности спасения гарнизонов оных; ибо наш флот не будет в состоянии даже показаться в море». (АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 341).

Если до начала Восточной (Крымской) войны, деятельность Сефербея носила исключительно дипломатический характер, то теперь он был официально признан правителем всей Черкесии.

События периода Крымской войны представляют нам Сефербея, как все еще энергичного политического и военного деятеля. Весной 1854 г. Сефербей возглавил крупный османский десант в Сухум, куда он высадился во главе отряда из 1.500 солдат при 36 орудиях. По его призыву в Бзыбский округ Абхазии прибыли отряды из убыхов, абадзехов и шапсугов. Владелец Абхазии Михаил Шервашидзе сообщил: «Влияние Зан-оглы чрезвычайно сильно... ныне я вполне убежден, что Зан-оглы, зная характер, нравы и обычаи края, при своей известности народу, всегда достигнет этой цели. Уже по первому его воззванию, со всех сторон стекаются полчища убыхов, абадзехов, шапсугов и других народов и по слухам сборы эти простираются до 60-ти тысяч пехоты и столько же конницы. Уверенный, что число это слишком преувеличено, я, однако же, должен сознаться, что нынешние сборы далеко превосходят все прежде бывшие, и я нахожусь в весьма неприятном положении, потому что, несмотря на все усилия мои, я сомневаюсь успеть уничтожить влияние Сефербея между народами и расстроить их сборы». (АКАК. Т. X. С. 274-275).

Затем повторно Сефербей приезжает в Сухум уже в качестве османского наместника в июле 1854 г. «Между прочим, – отмечает Г. А. Дзидзария, – абхазские исторические предания хорошо знают Сефербея под именем Ахан-ипа. С ним обычно связывают усиление мусульманства в Абхазии. Вот что рассказывал в 1914 году 90-летний Антон Гуатас-ипа из с. Лыхны: «...Лет шестьдесят тому

Группа черкесских офицеров в Стамбуле. 1881 г. Архив И. Наврузова (АРИГИ). Сразу же обращает на себя то обстоятельство, что перед нами офицеры двух армий – российской и османской. Второй справа – Карабатыр Заноко, сын знаменитого адыгского политического лидера периода Кавказской войны Сефербея Заноко. Первый, третий, пятый и седьмой слева направо – братья Шихапли, убыхи, все высокопоставленные офицеры османской службы. Посередине – Султан Салат-Гирей (1832-1899), поручик, бжедугский (хамышевский) дворянин, двоюродный брат черкесского историка и этнографа С. Хан-Гирея, отец известного адыгского общественно-политического деятеля начала XX века Султана Довлет-Гирея. Второй слева – Заурбег Тугуруг.

мощи Мухаммеда Али.

Известиям о том, что Зан был в Египте и даже состоял в мамлюкском войске, можно довериться еще и потому, что сама мысль отправиться в эту страну была обычной для черкесов того времени. Черкесский элемент продолжал играть весьма заметную роль в управленческом классе этой страны, а главным соперником Мухаммеда Али на его пути к единовластию был черкес Мухаммад-бей аль-Альфи Старший (ум. 1807 г.). Зан не мог просто так рассказывать о своем пребывании в Египте – любая ложь или преувеличение в этой связи проявились бы мгновенно, так как слишком много знатоков Египта, Сирии и Турции было в каждом уголке Черкесии.

Сразу после окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Сефербей Зан оказывается в рядах черкесского сопротивления. Его талант политика, по всей видимости, признавался большей частью населения Черкесии, поскольку в 1831 г. он фигурирует как один из лидеров народного движения в Абадзехии.

Абадзехи не только доверяют военное руководство кабардинскому князю, но также стремятся создать прочный военно-политический союз со всеми княжескими владениями – Бесленеем во главе с Каноковыми,

предпринятого намерения». (Рапорт главного закубанских народов пристава майора Синанова командующему войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани генералу от кавалерии и кавалеру Емануелю. 6 июня 1831 г. // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42: Дело о восстании абадзехов и других горских племен. Л. 94 – 94 об.).

К союзу, создаваемому абадзехами, присоединились и дали присягу бесленевские князья Казельбек и Айтек Каноковы, но не стал присягать Джамболет Каноков, сразу обратившийся за поддержкой к царскому командованию. (Там же. Л. 75).

Рапорт закубанского пристава майора Синанова от 10 июня 1831 г. содержит сообщение о том, что абадзехское собрание находится на Большом Зеленчуке, а его представители князь Сефербей Занов и владелец Хондок Аджиев следуют в укрепление Арсагонское с намерением встретиться с командующим войсками на Кавказской линии генералом Эммануэлем. (Там же. Л. 79).

«Абадзехское собрание» или «абадзехское собрание», по сути, являлось общеадыгским объединением, основной движущей силой которого выступили, по крайней мере, на начальном этапе абадзехские старшины. Упоминание о присутствии Се-

уровень развития политической культуры на Северном Кавказе.

В конце 1831 г. Сефербей Заноко на долгие годы покидает родину в ранге полномочного представителя борющейся за свою независимость Черкесии. Дж. Белл подчеркивает то обстоятельство, что отбытие Сефербея в Стамбул не было его личным делом, но что предвзвешенно он объездил различные области Черкесии и заручился поддержкой «вождей и влиятельных персон, чтобы добиться своего назначения в качестве посла, коему поручено будет обеспечить краю помощь зарубежной державы и заручиться у народа обязательством не покоряться России. Первое обращение вместе с судьей Мехметом было им предпринято к султану; и, так как оно оказалось безрезультатным, по крайней мере, в настоящий момент, они, будучи глубокими политиками, обратились к Мехмет-Али». (Белл Дж. Указ. соч. Т. 2. С. 174).

В последующие годы Сефербей, как сообщает Адыгская (черкесская) энциклопедия, «не оставляет попыток заручиться поддержкой султана, а также стремится привлечь внимание европейских держав к черкесской проблеме; пишет воззвания к соотечественникам, выдает рекомендательные письма

ДИНАСТИЯ ЗАНОВ, КНЯЗЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ЧЕРКЕСОВ

назад черкесский князь Ахан-ипа во время своего нашествия на наш край силой оружия заставил нас перейти в магометанство, уничтожил он на всем протяжении Абхазии и свиней. Целый год почти Ахан-ипа царствовал над нами и жил в Сухуме». (Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: «Алашара», 1982. С. 136).

В мае 1855 г. Сефербей, вслед за эвакуацией русского гарнизона, занял Анапу. Вскоре в Анапу прибыл во главе значительного корпуса Мустафа-паша, сын последнего губернатора Анапы Ахмед-паши, называвший себя черкесом, подчеркивавший свое кровное родство с натухайцами. Если Сефербею было поручено начальствование от Анапы до Терека, то Мустафе-паше был дарован громкий титул «маршала земли черкесов и батумской армии». (Дзидзария Г. А. Махаджирство... С. 130).

С Мустафой-пашой у Сефербея установились дружеские отношения, тогда как с английским командованием возникли трения. Летом 1855 г. англичане решили высадить свои войска в Анапе и потребовали от Заного уступить им анапскую крепость. Однако Сефербей, «имеющий целью, - как сообщал ген.-м. Дебу, - выгоды своего родного края, решительно отказал им в этом, объясняя, что Анапа принадлежит черкесам». (Цит. по: Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII — 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. С. 155).

В декабре 1855 г. Сефербей попытался развернуть наступление на Екатеринодар, которое потерпело поражение.

В марте 1856 г. был подписан Парижский мирный трактат, по условиям которого державы признали территорию Черкесии частью Российской империи. Это событие стало тяжелым ударом для черкесского народа, оставленного один на один с могущественной империей.

Английское правительство негласно продолжало поддерживать черкесское сопротивление. В феврале 1857 г. в Туапсе высадился отряд европейских волонтеров во главе с польским офицером Т. Лапинским. «В первый период своего пребывания в Черкесии, - отмечает А. Ю. Чирг, - отряд Т. Лапинского тесно взаимодействовал с Сефербеем, так как Мухаммед Амин первоначально не желал сближения с иностранцами». (Чирг А. Ю. Развитие... С. 160). Интересно описание внешности князя, сделанное Лапинским: «Когда я его увидел в первый раз, ему было приблизительно около 80 лет, хотя он сам не знал точно свой возраст. Очень трудно было узнать его годы, потому что он был необычайно крепок, каждый день ездил на коне 12 часов, не уставая от этого, и обладал исключительным телосложением. Дородный, с серебряной бородой, он был одним из красивейших старцев, которых я когда-либо видел». (Цит. по: Чирг А. Ю. Развитие... С. 160).

В этом же году Сефербей Заного предпринял решительную попытку консолидации всех черкесов под своим верховенством. Речь шла по сути о создании централизованного государства. Сефербей пытался наладить дипломатический диалог с российским правительством, но все его попытки в этом направлении наталкивались на полнейшее неприятие Петербургом самой возможности существования независимой Черкесии.

Начиная с 1854 г. деятель-

ность Сефербея Заного в Черкесии сталкивалась с жесткой оппозицией со стороны наиба Шамиля в Черкесии Магомет Амина. Наиб сам претендовал на роль властителя Черкесии и всячески игнорировал все распоряжения, призывы и планы Заного. Он саботировал набор ополчения, которое должно было поддержать действия союзников в Закавказье. В марте 1855 г. и в мае 1856 г. в районе долины Шебжа и Супа, на границах между абадзехами и шапсугами, произошли боестолкновения между сторонниками двух лидеров. О сути разногласий не столько самих лидеров, сколько их последователей, хорошо писал российский источник весной 1855 г.: «Вражда, начавшаяся между Мухаммед-Эмином и Сефер-беем еще во время пребывания последнего в Сухуме, приняла открытый вид. Натухайцы подчинились Сефербею, абадзехи и бжедуги удержались на стороне Мухаммед-Эмина, а шапсуги не склонились ни к той, ни к другой стороне. Мухаммед-Эмин, по духу учения мюридизма, проповедовал равенство всех мусульман, а Сефер-бей, происходящий из княжеской фамилии Заного, подавал надежду князьям и дворянам, давно утратившим свои права между закубанскими черкесами, на восстановление древних их прав. Как представители двух противоположных начал, они были по естественному ходу вещей врагами». (Цит. по: Чирг А. Ю. Развитие... С. 155).

В декабре 1859 г. Сефербей Заного скончался в натухайском ауле близ Анапы. Е. Д. Фелицын писал о нем: «Князь Сефер-бей Зан являл собой выдающийся и небывалый у горцев пример политического деятеля», который был «ревностным защитником независимости родной страны». (Адыгская (черкесская) энциклопедия. С. 948-949).

Заного Карабатыр — младший сын князя Сефер-бея Зана. Воспитывался у убыхов. «Подобно многим адыгским феодалам того времени, - отмечается в посвященной ему статье Адыгской (черкесской) энциклопедии, - колебался в выборе внешней опоры для восстановления утраченных привилегий аристократии. В начале 1850-х установил контакты с российской военной администрацией, которая, желая использовать его в качестве «агента влияния», присвоила ему офицерское звание с назначением ежегодного «пенсии», а также не стала препятствовать созданию им близ Анапы собственного аула на родовых землях Занов. Однако неожиданно (видимо, в связи с началом Крымской войны и предстоящим возвращением отца из Турции) порывает отношения с российским командованием. Впоследствии постоянно находился при отце, возглавляя его вооруженных сторонников и сражаясь то против российских войск, то против Мухаммед-Амина, оспаривавшего у Сефербея Зана верховную власть в Черкесии. После смерти отца и с началом создания Великого Черкесского меджлиса (1861) стал одним из главных лидеров адыгов. Неоднократно ездил в Османскую империю, стремясь заручиться поддержкой султана. По окончании Кавказской войны эмигрировал. По данным Е. Д. Фелицына, был принят на османскую службу в чине полковника и в годы русско-турецкой войны 1877-1878 командовал черкесской милицией. Умер при совершении хаджа на обратном пути из Мекки». (Адыгская (черкесская) энциклопедия. С. 949).

1836 г., января 24. — Отношение гр. Нессельроде к барону Розену.

От 26 ноября прошлого 1835 года, N 2720, я уведомлял в. выс-о, что посланнику нашему в Константинополе поручено употребить все возможные меры к положению преграды вредным действиям Сефер-бея*, о котором вы писали министерству в отношении, от 4 сентября и 30 октября 1835 года.

Ныне, получив от Бутенева депешу, содержащую подробно, как о сведениях, им приобретенных, так и объяснениях с турецким правительством, долгом поставлю сообщить вам сущность оной. Сефер-бей, как по розысканиям оказалось, действительно проживал некоторое время в Самсуне, на северном берегу Анатолии, получая от Порты незначительное содержание; потом познакомился здесь же с кап. Лайонсом во время плавания его по Черному морю в 1834 году, и, наконец, прибыл в Константинополь, где находится уже около года. Тут он действительно пользовался благосклонностью великобританского посольства и жил довольно долгое время у английского медика. В начале пребывания своего в Константинополе, он, по-видимому, имел деньги в своем распоряжении, но потом средства его истощились и живет ныне в неизвестности с несколькими из соотечественников своих, поселившихся равным образом в Константинополе. Бутенев хотя и не полагает, чтобы Сефер-бей по настоящему положению своему мог нам быть вреден, но почел небесполезным и согласным с дружественными сношениями между Россией и Портой Оттоманской существующими, сообщить реис-эфендию о происшествиях, приписываемых Сефербею, с просьбой положить оным конец. Реис-эфенди обещал сделать должные розыскания, чтобы удостовериться в справедливости распускаемых насчет Сефер-бея слухов, и тогда будут приняты меры против сего горца.

АКАК. Т. VIII. С. 892.

1838 г. февраля 7. — Из рапорта Начальника штаба Кавказской линии и Черномории военному министру о сожжении турецкого судна, везшего боеприпасы и турецкое знамя для черкесов.

Комендант анапской крепости генерал-майор гр. Цукато рапортом от 21 января N 139 донес господину командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, что, узнав через лазутчика о прибытии турецкого двухмачтового судна для торговли с горцами в бухту Сухо-пе, где оно и вытасено на берег, он поручил, за болезнью своей, командиру 5-го пешего Черноморского казачьего полка подполковнику Орлу сделать набег для истребления этого судна.

Подполковник Орел, получив от генерал-майора гр. Цукато наставление, как действовать при этом набеге, выступил из Анапы в ночь с 15 на 16 января с отрядом, состоявшим из 500 человек пехоты, 50 конных казаков и 2 легких орудий.

Экспедиция эта произведена была с полным успехом. Двухмачтовое турецкое судно сожжено со всем грузом, причем войсками нашими взяты в плен два турка и два черкеса; отбито: турецкий флаг судна, фальконет малого калибра, 100 штук рогатого скота и 300 баранов; сверх того сожжено два аула, из которых жители не успели спасти своего имущества.

При обратном следовании отряда в крепость, горцы, собравшись до 1000 человек, делали несколько раз отчаянные нападения для отбития пленных, но были всегда с потерей для них отражены. При этом преследовании, продолжавшемся на расстоянии 15 верст, нижние чины отряда оказали твердость и храбрость, а господа офицеры отличились присутствием духа и распорядительностью.

Генерал-майор гр. Цукато с особенной похвалой относится к командовавшему отрядом полковнику Орлу.

С нашей стороны потеря состояла из 3 убитых и 15 ра-

Погрузка на корабль в гавани Озерека. Из книги Джеймса Белла «Дневник пребывания в Черкесии»

нены; неприятель, по признаниям самих горцев, потерял до 50 человек.

Взятые в плен турки (Солиман Тердженов и Абду-Мамет) при допросе показали, что судно, на котором они находились в числе 7 человек, принадлежит Сефер-бею; нагружено было в Константинополе солью и разными товарами, но что порохи и свинец на нем не было. Шкипером был житель Бургаза (в Румелии) Белял, который в Константинополе получил для доставления горцам знамя, передал оное в аул Остагай.

Взятые в тот же день два черкеса показали, что на сожженном судне был именно порох и свинец, который продан и променян черкесам; сверх того один из них подтвердил показание о знамени и прибавил, что оно передано дворянину Мамсыр-Хаудулу. Все шесть матросов судна были вооружены. При взятии в плен двух из них, третий, их товарищ, с ними бывший, стрелял из ружья в нашего казака и был им убит, а шкипер и остальные три матроса спаслись бегством.

Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 213. Л. 9 — 10. Приводится по изданию: Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. С. 136-137.

1854 г., июля 23. — Отношение военного министра к наказному атаману войска Донского о прибытии к Магомет-Амину турецкого эмиссара для организации военных действий горцев против России.

Вашему высокопревосходительству известно желание государя императора, дабы главные на Кавказе начальники старались ослабить влияние Магомет-Амина возбуждением недовольности к нему других старшин и склонением сих последних на нашу сторону.

По последним известиям из Абхазии прибыл в Сухум-кале со званием турецкого паши из-

* Предок Сефер-бея был Зан, родной брат Болотоко, от которого происходит фамилия Джембулата Болотокова. Сефер-бей Занов, имеющий от роду не более 40 лет, с хорошими умственными способностями. В горах уважается более всех, по-русски говорить не умеет и между русскими никогда не жил. Жительство его между шапсугами, где оставил он много подвластных ему узденей. Настоящее местопребывание его было всегда вблизи кр. Анапской в ауле, называемом Хачаке. При взятии в последний раз Анапы был взят нашими в плен, а по освобождении из плена отправился на жительство в Турцию, а ныне проживает у Мегмед-Али-паши. Отец Занова Мамед-Гирей был от нашего двора пожалован в полковники и жил в ауле Хачаке. Уверяют, будто бы Сефер-бей прежде служил у нас и бежал, при взятии же Анапы попался к нам в плен, был отправлен в Херсон, откуда по заключении мира с турками уехал в Трепизонд и с того времени находится в частых сношениях со всеми прибрежными горцами, а особенно с шапсугами, где он имеет своих подвластных.

ДИНАСТИЯ ЗАНОВ, КНЯЗЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ЧЕРКЕСОВ

вестный в горах Сафар-бей, который, вероятно, уполномочен турецким правительством войти в сношение с Магомет-Амином для соглашения действий мятежных горцев с замыслами на них врагов. Между тем Сафар-бей, имея притязание на происхождение из княжеского рода, владевшего будто бы частью натахайского племени, едва ли может вполне разделять виды Магомета-Амина, который по примеру Шамиля, стремится к уничтожению власти дворян и тем привлекает к себе простолюдинов.

Если предположение это оправдывается на деле, то нам без сомнения должно будет употребить зависящие от нас меры, дабы извлечь возможные выгоды из такого положения дел.

Государь император, признавая необходимым следить неослабно за действиями Сафар-бея в Закубанском крае, изволил принять на вид, что в этом отношении мог бы вам принести пользу командир Кавказского конно-горского дивизиона подполковник Султан-Адил-Гирей, принадлежа к уважаемому горцами султанскому роду, он имеет связи с бжедужскими князьями и готов с неограниченным усердием споспешествовать намерениям правительства.

По сим соображениям его величеству благоугодно было повелеть:

1. Султану Адиль-Гирею, по сдаче командуемого им в Варшаве дивизиона другому офицеру, по выбору генерал-адъютанта гр. Ридигера, отправиться в место пребывания вашего высокопревосходительства.

2. Лично представить вам все сведения, которые он имеет о Закубанском крае и предположения его для сношений с туземцами, и за сим, состоя в непосредственном распоряжении вашем, исполнить все по этому предмету поручения, которые вы сочтете нужными возложить на него.

3. Кроме сего заняться ему набором всадников из семейств в крае уважаемых для укомплектования Кавказского конно-горского дивизиона соответственно цели его формирования. О числе сих всадников последует особое назначение.

4. Если по ходу дел вы не встретите особенной надобности к оставлению сего штаб-офицера на Кавказе на продолжительный срок, то в таком случае от вас зависеть будет возвратить его в Царство Польское для вступления вновь в командование Кавказским конно-горским дивизионом.

О сей высочайшей воле, сообщив по принадлежности генерал-адъютантам гр. Ридигеру и гр. Орлову, генералу от кавалерии Реаду и генерал-лейтенанту Козловскому, имею честь уведомить вас, м. г., к зависящим распоряжениям, о коих ожидаю вашего в свое время отзыва для всеподданнейшего его величеству доклада.

ЦГИА Грузии. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 1038. Л. 3-4. Приводится по изданию: Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. С. 404-405.

1854 г. сентября 7. — Из донесения Начальника Главного штаба войск на Кавказе командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Врангелю о провале плана Сафар-бей-паши покорить Самурзакань силами горцев.

В последнее время Сафир-бей паша, желая выказать свою деятельность перед турецким правительством, вознамерился покорить Самурзакань. Для достижения этой цели, он послал

одного из подчиненных ему пашей по имени Бахчат с Ибрагим-ханом к Магомет-Амину, чтобы уговорить его собрать партию горцев и привести ее в Сухум-Кале. Магомет-Амин отвечал, что, считая себя обиженным невниманием к нему турецкого правительства, в пользу которого одним нравственным влиянием на горцев он более, чем турецкий уполномоченный с материальными способами, и потому он до объяснения с высшим турецким правительством не может более употреблять своего влияния на горцев, а еще менее способствовать к прославлению чужого имени. Этот ответ подействовал и на самого Ибрагим-хана, который не столько в тайне, не менее Магомет-Амина негодует на турецкое правительство за оказанное им предпочтение Сафир-бею паше, которому он против желания должен подчиниться. После этого Магомет-Амин имел секретный разговор с Ибрагимом-ханом и потом вместе с ним отправился в Сухум-Кале, а оттуда в Константинополь.

Сафир-бей — природный черкес из фамилии Занеипа, имеет в горах сына по имени Карабатырь, который приобрел личными достоинствами влияние на своих одноземцев и пользуется их доверием. На нем-то Сафир-бей остановил свое внимание и решил испытать, не может ли сын для него сделать то, о чем отказал ему Магомет-Амин.

С этого повода Сафир-бей отправил к Карабатырю одного из кавас-башей, но Магомет-Амин, вероятно, предвидев это обстоятельство, уезжая взял с убухов слово — до его возвращения из Константинополя не предпринимать никаких походов по предложениям Сафир-бея-паши. Убухи сдержали данное ими обещание Магомет-Амину, и кавас-баша должен был возвратиться, не успев ни в чем.

Потеряв всякую надежду на помощь убухов, Сафир-бей все еще не хотел отказаться от своего намерения покорить Самурзакань и стал рассчитывать на те силы, которые имел под рукой, т. е. на абхазцев и цецьбединцев, но и в этом не имел успеха.

Таким образом, план главного представителя Турции в Абхазии, относительно покорения Самурзакани, расстроился. При том в то же время Сафир-бей получил от мушира Селим-паши предписание не предпринимать никаких наступательных движений до получения от него разрешения. Вместе с тем мушир сообщил ему, что турецкие войска, в соединении с союзными, отправлены к Севастополю с целью провозвести вблизи этой крепости высадку. До результата этой высадки и сам Селим-паша намерен оставаться в бездействии.

ЦГИА Грузии. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 1033. Л. 79-81. Приводится по изданию: Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. С. 413-414.

1856 г., июня 21. — Отношение ген. Муравьева к ген. Сухозанету, N 81.

Собственной Е. В. рукой написано карандашом:

«Анапа должна быть непременно нами занята теперь же; но Я, к сожалению, предвижу, что по оплошности ген.-адъют. Муравьева, без боя не обойдется. По прочим предметам представить справки». 30 июня 1856 года.

По разнообразию и важно-

сти предметов, заключающихся в отзыве ко мне в. выс-а, от 6 июня, N 304, и требующих основательного рассмотрения, я буду иметь честь доставлять вам, по мере заготовления, особые соображения мои по каждому предмету и начну с того, которого исполнение требует наибольшей поспешности, а именно — о занятии Анапы.

В отзыве к предместнику вашему, от 12 мая, N 257, исчислив затруднения, какие могут представиться при занятии в нынешнем году Анапы, я полагал не делать этого предпрятия на нынешний год обязательным, особенно потому, что вероятность позднего выхода из Анапы турок не подавала надежду, чтобы войска имели довольно времени до наступления зимы удовлетворительно устроиться в этой крепости.

Между тем, сознавая всю важность скорейшего утверждения нашего в Закубанском крае после оставления его турками, я в то же время подтвердил наказному атаману Черноморского казачьего войска, ген.-м. Филипсону, чтобы он немедленно по выводе из Анапы турок занял ее, если представится возможность прочно утвердиться в ней на зиму. Вместе с тем, я предписал ему собрать верные сведения и донести мне: 1) каким числом турецких войск занята Анапа и принадлежат ли они к разряду регулярных?; 2) к какому времени располагают турки оставить Анапу?; и 3) возложена ли на Сефер-бея турецким правительством должность анапского коменданта, или он принял на себя это звание произвольно, а комендантское место занимает кто-нибудь другой, и в последнем случае — кто именно?

Сведения эти я требовал для того, что имел причины предполагать, что и после выхода турок Сефер-бей, получивший звание паши, будет стараться удерживать Анапу сколь возможно долее, — самопроизвольно, именем турецкого правительства, с несколькими десятками турок, не состоящих на государственной службе; в таком случае, при занятии нами Анапы прежде истечения положенного Парижским мирным трактатом срока для обоюдной передачи обратно занятых пунктов воевавшими сторонами, может произойти кровопролитие и подать повод к неприятным объяснениям с союзными державами.

В ответ на мое предписание ген.-м. Филипсон представил мне, от 11 июня, следующие сведения:

Сефер-бей, прибыв в Анапу вскоре после оставления нами этой крепости, стал именоватьс я анапским пашей, собрал около себя несколько десятков горцев и добыл, вероятно из Турции, два медных орудия, калибра около 6-ти фунтового, на полевых лафетах. Французские, английские и турецкие офицеры, приехавшие в Анапу, обращались к нему как к местному начальнику. Это увеличило его значение между горцами. Слышно было, что он давал горцам подарки, на что, вероятно, получал некоторые средства от союзников.

Вражда, начавшаяся между Мухаммед-Эмином и Сефер-беем еще во время пребывания последнего в Сухуме, приняла открытый вид. Натахайцы подчинились Сефер-бею, абадзехи и бжедуги удержались на стороне Мухаммед-Эмина, а шапсуги не склонялись ни к той, ни к другой стороне.

Мухаммед-Эмин, по духу учения мюридизма, издавна по-

сультман, а Сефер-бей, происходящий от княжеской фамилии Заноко, подавал надежду князьям и дворянам, давно утратившим своим права между закубанскими черкесами, на восстановление древних их прав. Как подтвердить слова депутатов и увещевать горцев присягнуть султану на подданство. Для выслушания депутатов и для прочтения привезенных ими бумаг назначен большой народный сбор на р. Азипсе, куда отправился и Сефер-бей с 200 турок и с полевыми орудиями, которых, по показанию лазутчиков, находится у него, будто бы, 8, с зарядными ящиками.

До времени отправления ко мне ген.-м. Филипсоном вышеозначенного донесения не были еще читаны бумаги, привезенные черкесскими депутатами; но их рассказы всему народу известны и производят в нем большое волнение. Они утверждают, что два раза представлялись султану. В первый раз он объявил им, что ничего не может для них сделать и что по мирному трактату они признаны по-прежнему под властью русского государя. Это крайне опечалило посланных, которым через гаремные связи удалось добиться вторичного представления султану. В этот раз султан принял их ласковее прежнего и обещал черкесам свое покровительство, если они примут присягу на подданство ему и станут безусловно повиноваться поставленному над ними начальнику, и говорил, что, во всяком случае, английские, французские и турецкие суда будут наблюдать за нами в Черном море и не допустить предпринять против горцев военных действий.

Так рассказывают лазутчики. Горцы всему этому верят с увлечением и шумно торжествуют избавление от русских.

Эти сведения, представленные мне ген.-м. Филипсоном, подтверждают прежние сомнения мои, что, может быть, Сефер-бей удерживает за собою Анапу самопроизвольно, без ведома турецкого правительства.

В предупреждение подобных недоразумений, вы изволили войти в сношение, как уведомили меня, от 29 мая, N 6261, с управляющим министерством иностранных дел о принятии мер, дабы со стороны Порты дано было повеление командующему в Анапе паше, чтобы до очищения крепости турками она была сдана нашему военному начальнику по сношении со мной. Но как и значение в Анапе Сефер-бея подлежит сомнению, а других турецких начальников, по донесению ген.-м. Филипсона, там нет, то было бы желательно, по сношении с т.с. кн. Горчаковым, разъяснить еще следующие обстоятельства:

1) Возложена ли на Сефер-бея должность анапского коменданта, или он принял ее самопроизвольно, так же как и звание начальника черкесских племен, и состоят ли в турецкой государственной службе, как Сефер-бей, так и находящиеся при нем турки?

2) Если турецкое правительство не признает Сефер-бея и находящихся при нем турок за людей, состоящих в государственной службе, то Анапу можно считать уже не занятой более турецкими войсками и Порта должна отозвать к ближайшему сроку всех этих людей, а в таком случае мы имеем полное право занять Анапу, не отвечая ни за какие последствия, могущие произойти при столкновении нашем с Сефер-беем и его турецкой стражей, если они к означенному сроку оттуда не выйдут.

Я ожидаю от ген.-м. Филип-

сона донесения об ответе Сефер-бея на его отношение, а между тем полагаю, что без объяснения дипломатическим путем значения Сефер-бея в Анапе сношения наши с ним не поведут ни к каким положительным последствиям и могут только бесполезно замедлять время занятия нами Анапы.

Для занятия Анапы и устройства сообщения ее с Черноморием я полагаю назначить следующие средства:

Составить отряд из пяти Черноморских линейных батальонов, назначаемых на сформирование Крымского пехотного полка, а именно: N1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й, одного Черноморского казачьего пешего батальона, одного Донского и одного Черноморского конных казачьих полков, 12 легких и 8 горных орудий подвижной гарнизонной артиллерии, выведенной с Черноморской береговой линии. Черноморский линейный N 5-й батальон находится теперь еще в восточной части Крыма; но, вероятно, ко времени занятия Анапы он успеет прибыть на Кубань. Начальство над этим отрядом я поручаю командиру 1-й бригады Черноморских линейных батальонов, ген.-м. Рудановскому, под руководством и наблюдением ген.-м. Филипсона. Хотя в отзыве к предместнику вашему, от 12 мая, N 257, я полагал, согласно с мнением ген.-м. Филипсона, ограничиться составлением отряда из 3 батальонов, 12 полевых орудий и 2 казачьих полков; но нахожу теперь необходимым значительно усилить отряд в вышепоказанном составе, как потому, что не предвидится, чтобы скоро можно было приступить к занятию Анапы, по причинам, изложенным выше, — а приступая к тому поздно, должно увеличить число рабочих рук, — так и потому, что, по положению дел у закубанских черкесов, надобно ожидать со стороны их сильных нападений на наш отряд при занятии этой крепости...

Гарнизон в Анапе и на промежуточных постах я предполагаю оставить в числе от 2 до 3 батальонов, смотря потому, в какой степени успеют войска на зиму укрепиться из одного Донского полка, 4 полевых орудий, нужного числа офицеров и нижних чинов гарнизонной артиллерии для крепостных орудий и из одной военно-рабочей роты, если в ней будет надобность на зиму.

Сообщая об этом в. выс-у, для всеподданнейшего доклада Г. И., имею честь уведомить, что время, когда занятие Анапы будет приведено в исполнение, зависит от сведений, которых, согласно отношению вашему, от 4 июня, N 6408, я ожидаю от ген. Лидерса относительно времени окончательного выхода союзников из Крыма. Если, до получения мной сего уведомления ген. Лидерса, дело о времени очищения или сдачи нам турками Анапы не будет разъяснено через кн. Горчакова дипломатическим путем, то придется нам, может быть, занимать Анапу с бою; на случай же, если бы ген.-м. Филипсон, до получения им от меня дополнительного уведомления, узнал достоверно, что турки сами оставили Анапу, то я предписал ему занять эту крепость, не ожидая никаких других разрешений. (Продолжение документа в следующем номере).

АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 69-73.

Материалы подготовлены С. Х. Хотко.